

ГРЕЦИЯ

«АРИСТОТЕЛЕВА» «ЭКОНОМИКА»

Акад. С. А. Жебелев

В дошедших от древности перечнях сочинений, усвояемых Аристотелю, Диогена Лаэртия и Гесихия (они помещены, между прочим, в начале издания В. Розе фрагментов Аристотеля) значится трактат *Οἰκονομικός* (подрав. *λόγος*), в одной книге. Имелся ли в виду здесь тот трактат об экономике, I и II книги которого дошли в поздних (XIV и XV вв.) греческих рукописях, а третья—в латинском переводе 1295 г., мы не знаем: надо иметь в виду, что в упомянутые перечни могли попасть и, отчасти, действительно попали сочинения, лишь приписываемые Аристотелю. Но мы теперь твердо знаем, что дошедший до нас в упомянутых рукописях под именем Аристотеля небольшой трактат *Οἰκονομικός* (или *Οἰκονομικά*;) ему не принадлежит. На это указал впервые еще в 1506 г. ученый *Jakobus Faber Stapuliensis* (в издании трактата у Анри Этьенна в Париже), а доказал, в 1548 г., ученый *Niepołomus Gemusaens* (в издании трактата, напечатанном в Базеле). Теперь к вопросу о том, что эта «Экономика» Аристотелю не принадлежит, возвращаться не стоит. Но что этот трактат все же имеет право на некоторую связь с именем Аристотеля, по крайней мере, его школы, будет видно из дальнейшего. Пока достаточно будет сказать, что хотя трактат Аристотелю и не принадлежит и с историко-литературной точки зрения представляет произведение более чем заурядное, тем не менее он, в особенности его вторая глава второй книги, является ценным историческим источником для уяснения экономической истории эллинского мира в IV в. до н. э. Если теоретическая часть трактата не представляет для историка какого-либо особенного интереса, то фактический материал, заключающийся в нем, привлекался в научный обиход в подлежащих случаях. Впрочем, надо сказать, что вообще и заграничная литература, посвященная трактату, очень не велика. Что же касается нашей научной литературы, то мне неизвестно даже какой-либо мелкой заметки, связанной с «аристотелевой» «Экономикой».

Трактат, как уже сказано, состоит из трех книг. Первая посвящена вопросам, связанным исключительно с домашней экономикой. В этом отношении первая книга напоминает по сюжету «Домострой» (*Oikonomos*) Ксенофонта, будучи, впрочем, значительно короче этого сочинения и далеко уступая ему в литературном отношении¹. Читатель «Домостроя» Ксенофонта, при сличении его с первой книгой «аристотелевой» «Экономики», легко убедится в том, что ее автор был знаком с «Домостроем» и кое-что позаимствовал из него. Равным образом нетрудно было бы установить некоторую связь первой книги трактата и с некоторыми основными положениями, развиваемыми в первой книге «Политики» Аристотеля. Ученик эпикурейца Зенона, Филодем, живший в Риме во время Цицерона, в своем сочинении об «экономии» (*Peri oikonomias*), дошедшем до нас в одном из Геркуланских папирусов, приводит дословные цитаты из первой книги трактата, что должно свидетельствовать, до известной степени, о его популярности². Кто был автором первой книги «аристотелевой» «Экономики», установить не удалось³.

Вторая книга «аристотелевой» «Экономики» составлена, очевидно, не тем же автором, каким составлена первая книга. За это говорит и коренное различие в стиле и в содержании. В свою очередь, и вторая книга состоит из двух совершенно различных частей. Глава первая второй книги—теоретическая. В качестве как бы вступления говорится, с чем нужно считаться человеку, собирающемуся *oikonomizein*, т. е. заниматься «хозяйством», а затем устанавливаются четыре вида «экономии» с характеризующими их общими чертами: экономия царская, точнее сказать, такая экономия, которая находится в ведении одного лица, безразлично, будет ли это царь или тиран; экономия сатрапская, которой распоряжается также одно лицо, но зависящее от «монарха». На третьем месте стоит экономия полиса, на четвертом—частного человека. В заключение указываются те практические выводы, которые могут пригодиться на основании изложенной теории для того, кто будет призван управлять сатрапией или полисом, а в качестве могущих пригодиться примеров излагаются те финансовые мероприятия, которые были придуманы теми или иными лицами, когда они сами или подвластные им государства испытывали нужду в денежных средствах. Эти примеры занимают значительно большую часть второй книги по сравнению с ее теоретическим отделом; они изложены с соблюдением, в общем, хронологической последовательности и относятся преимущественно к IV в. На V в. приходится два примера; они касаются афинян, проживавших во время Пелопоннес-

¹ Перевод «Домостроя» Ксенофонта, исполненный С. И. Соболевским для издательства «Academia», вышел в свет в 1935 г. (К с е н о ф о н т а ф и н с к и й—Сократические сочинения).

² Места «Экономики», цитируемые Филодемом, отмечены издателем его трактата, Chr. Jensenom, Lipsiae, 1906.

³ W. K r a m e r в гиссенской диссертации 1910 г. «De Aristotelis qui fertur Oeconomicorum libro primo», основываясь на том, что в трактате Филодема дважды имеются ссылки на ученика Аристотеля, Феофраста, склонен усвоить последнему первую книгу «Экономики». Для доказательства этого мы не располагаем, однако, конкретными данными.

ской войны в Потидее, и граждан Лампсака; на VI в. приходится три примера, относящиеся к наксосскому тирану Лигдамису, Гипию афинскому и к гражданам Византия; к VII в. относится один пример, касающийся коринфского тирана Кишила. В конце сборника этих примеров, достигающих в общей сложности цифры 72, имеется небольшое дополнение—5 примеров, касающихся некоторых лиц, относящихся также к IV в. и уже упомянутых автором в предыдущем изложении.

Третья книга трактата известна только в латинском переводе, исполненном в 1295 г. неким Durand de Alvernia, недостаточно знавшим греческий язык и потому обратившимся за помощью к двум духовным лицам. Третья книга состоит из общей части, где говорится о доме и домоладцах, об отце семейства, о предметах домового хозяйства; в специальной части идет речь о хозяйке дома, о рабах и о прочих предметах домовладения. До известной степени содержание третьей книги соприкасается с содержанием первой, в особенности с ее третьей, четвертой и пятой главами. Кому греческий оригинал третьей книги принадлежит, когда она возникла, остается неизвестным¹.

В том виде, в каком «аристотелева» «Экономика» дошла до нас, она в полном смысле является *mixtum compositum*. Когда, кем, при каких обстоятельствах отдельные части этого *mixti compositi* были объединены в одно целое, мы гадать не беремся. Да это и не имеет существенного значения, поскольку весь трактат в его теперешнем виде Аристотелю, во всяком случае, принадлежать не может. Важнее уяснить себе, имел ли какое-либо основание аноним, сливший в одно целое отдельные части трактата, приписать авторство его Аристотелю?

До известной степени, повидимому, имел. И не только вследствие того, что в древности было неизвестно понятие литературной собственности², но и потому, что мы имеем свидетельство самого Аристотеля в его «Риторике» (I, 4, 1359 b 24), из которого видно, какое важное значение он придавал «политической» экономии. «Должно, — говорит Аристотель, — иметь сведения о доходных статьях государства, каковы они и сколько их, чтобы присоединить к ним те, какие упущены, а если какая-либо из доходных статей является слишком незначительной, чтобы ее увеличить. Нужно иметь также сведения и о всех расходных статьях государства, чтобы излишние из них изъять, а слишком крупные расходные статьи сократить. Ведь богатеют не только тогда, когда прибавляют что-либо к уже имеющемуся, но и тогда, когда сокращают расходы. Все это можно постигнуть не только

¹ V. Rose — *Aristotelis pseudepigraphus*, Lips. 1863, предполагал, что третья книга является тем, не дошедшим до нас, трактатом Аристотеля, который в одном из списков его сочинений навывается *ἄρθρα ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν* — правила поведения мужа и жены. Проверить это предположение мешает отсутствие греческого оригинала трактата и далеко не вразумительный, в некоторых случаях, латинский перевод его.

² Подробности в моей книжке «Введение в науку Историю», вып. 6, «Древняя Греция», ч. 1 (ч. 2—1920 г.), стр. 20.

на основании личного опыта, необходимо также прибегать здесь к совету и к ознакомлению с тем, что можно почерпнуть у всех других лиц, изобретших (что-либо в этом направлении)». Из этого свидетельства ясно видно, что у Аристотеля была, по крайней мере, мысль написать специальное сочинение об экономике полиса, и притом дать в нем не только теорию, но и практику, в виде собрания примеров, почерпнутых из исторической действительности. Осуществил ли Аристотель свою мысль в том трактате *Οἰκονομικός*, который значится в списке его сочинений и который не дошел до нас, или же Аристотель не успел привести в исполнение задуманную мысль, мы сказать не беремся.

Узенер в своей замечательной статье об организации научной работы в древности¹, характеризуя работы самого Аристотеля и созданного им Ликей, говорит, что за решение какой бы проблемы Аристотель ни брался, он всегда стремился к возможно более прочному и точному установлению фактов и к их исчерпывающему собранию: факты были основой, на которой он строил свою теорию (стр. 91). Таковым был тот фактический материал, который содержался в 158 «политиях», т. е. конституциях 158 греческих полисов, и к которому, в виде дополнения, присоединялись 4 книги «Варварских законоположений» (*Νόμιμα Βαρβάρικα*), содержавшие сведения о негреческих государствах. На основе этих материалов возникла, как известно, «Политика». Быть может, Аристотелем же было положено начало собиранию соответствующих материалов и для «Экономики». Ближайший ученик Аристотеля и преемник его по руководству Ликеем, Феофраст, в 24 книгах своих «Законов» (сочинение утрачено) трактовал о всех областях законодательной деятельности таким образом, что в каждом отдельном случае сопоставлял законы и правовые обычаи всех греческих государств, пользуясь, преимущественно, материалом, находившимся в аристотелевых «Политиях». Тому же Феофрасту принадлежало пользовавшееся в древности большой популярностью, но до нас также не дошедшее сочинение, изобиловавшее всякого рода пикантными подробностями, *πολιτικά τὰ πρὸς χαίρους*, как переводит это Узенер (стр. 98). В этом сочинении, примыкавшем к указаниям, данным Аристотелем в V книге его «Политики» (о государственных переворотах), разбирались рассчитанные на случайные обстоятельства (*χαίροι*) мероприятия государственных деятелей, помогавшие им в трудные минуты их политической карьеры. Все это приводится к тому, чтобы показать, что в распоряжении Ликейя мог быть, хотя бы отчасти, и тот фактический материал, те примеры, которые занимают такое значительное место в «аристотелевой» «Экономике» и которые, строго говоря, придают ей специфический интерес.

Последний издатель второй книги трактата голландский ученый Г р о н и н г е н² стремится—на мой взгляд, напрасно—доказать во что бы то ни стало «единство» обеих глав II книги. Он опирается,

¹ Впервые напечатана в «Preussischer Jahrbücher», LIII, 1884, «Vorträge und Aufsätze», Lpzg. 1907, 69 и сл.

² G r o n i n g e n—Aristote. Le second livre de l'Economique, Leyde, 1933.

главным образом, на внешнюю форму ее, хотя и соглашается с тем, что обе главы, по своему характеру, сильно различаются одна от другой. Имеется много примеров, говорит Гронинген, в сочинениях перипатетической школы соединения теории и практики, «рассуждения и истории»; он ссылается на сочинение неизвестного нам философа второй половины III в. до н. э., сохранившееся отчасти в X книге трактата упомянутого Филодема «О пороках», где говорится сначала о борьбе с гордостью, а далее дается описание различных «горделивых» характеров. Но в жалких остатках Геркуланского папируса, сохранивших X книгу «О пороках» Филодема¹, имеется, как-никак, «рассуждение», тогда как к первой главе II книги «аристотелевой» «Экономики» такая квалификация едва ли приложима. Это—не рассуждение, а своего рода программа или краткий конспект того «рассуждения», которое должно было бы предварять историческую часть. Последняя представляет собой ряд отдельных примеров, расположенных, как сказано, в относительно точном хронологическом порядке, но без всякой системы по их содержанию, если не считать некоторой систематизации в том, что примеры, связанные с той или иной личностью, приводятся не враспыленную, а под одной рубрикой. Не берусь доказать, но решаюсь высказать предположение, что примеры эти были заимствованы из тех «схед», из того собрания материалов, которые имелись в архиве, правильнее сказать, библиотеке перипатетической школы и которые представляли собой выдержки из различного рода сочинений, делаемые по почину самого Аристотеля или его преемников по руководству Ликеем. Выдержки эти были до известной степени «стилизовананы» тем лицом, которое занималось их выбором, но и эта работа была произведена им как-то наспех, небрежно. Получается такое впечатление, что составитель эксцерптов произвел свою работу лишь вчерне, не заботясь, во всяком случае, о придании ей более или менее литературной обработки. В этом отношении «стиль» первой главы II книги куда более выдержан, но она составлена ad hoc—служить как бы теоретическим введением ко второй главе, как это видно из заключительных строк первой главы, связывающих ее со второй: «Каких результатов достигли некоторые из ранее живших деятелей при добывании денежных средств и насколько удачно они в этом направлении действовали,—об этом мы сопоставим в дальнейшем наиболее замечательные, по нашему мнению, примеры. Повествование об этом представляется нам небесполезным. Быть может, тот или иной из этих примеров пригодится, когда читателю придется столкнуться с вопросами, касающимися экономики вообще». Не исключена, конечно, возможность, что обе главы II книги написаны и одним лицом; но в таком случае нужно предположить, что ранее им были подобраны примеры, и уже затем было составлено теоретическое к ним введение.

Что касается первой книги «Экономики», то ее приходится рассматривать, как совершенно самостоятельное произведение, по содержанию своему и по манере изложения вовсе не связанное или, во

¹ Она издана Jensen'ом, Lips., 1911.

всяком случае, очень отдаленно связанное со второй книгой. Общий тон первой книги подходит к перипатетической школе, в недрах которой, надо полагать, она и возникла. Во всяком случае удельный вес первой и второй книги далеко не одинаков. Гораздо большее значение имеет бесспорно вторая книга, особенно ее вторая глава, содержащая сборник примеров. Поэтому и не удивительно, что ею по преимуществу и интересовались ученые исследователи.

Во главу угла здесь должно быть поставлено имя **Н и б у р а**¹. Недопустимо, писал он, чтобы были зафиксированы в письменной форме те «восточные» вымогательства и мошенничества, о которых рассказывается во второй главе II книги, в то время, когда ответственные за них лица были еще в живых. Так как, с другой стороны, книга имеет в виду, главным образом, сатрапов, и так как единственно в царстве Селевкидов сохранились сатрапии до 189 г., то, по заключению Нибура, автор второй главы II книги жил в Сирии и составил свой труд в половине III в. до н. э.

Мнение Нибура принято было, с некоторыми отклонениями, издателем «Экономики» Шнейдером, приурочивавшим, однако, появление трактата еще к IV в.², Гётлингом, по мнению которого обе главы второй книги не стоят между собой в каком-либо отношении³, Зуземилем⁴. Мнение Нибура разделял также известный историк греческой философии Целлер, по словам которого, «основное содержание второй книги составляет собрание анекдотического характера примеров, служащих пояснением аристотелевского положения» (высказано в «Политике», I, ii, 1259 а 3: нужно собирать рассеянные спорадически примеры того, каким образом некоторым удалось обогатиться⁵).

Появившаяся в 1901 г. статья Вилькена принесла много нового для уяснения II книги⁶. Он первый установил, что содержащееся в ней собрание примеров расположено в хронологическом порядке, и что ни один из них не может быть отнесен ко времени после смерти Александра Македонского, т. е. после 323 г. Первая глава II книги возникла позднее, например около 250 г. История возникновения II книги может быть восстановлена, по мнению Вилькена, так: один из учеников Ликея, вдохновившись указанием Аристотеля (в «Политике», см. выше), подобрал примеры, содержащиеся во второй главе; в течение III в. сборник этих примеров попал в руки одного из перипатетиков, который присоединил к нему первую главу.

¹ «Ueber das zweite Buch der Oekonomica unter der aristotelischen Schrift», 1813; Kleine Schriften, I, 1828, 412 и сл.

² A. I. G. S c h n e i d e r — Anonymi Oeconomica, Lips, 1825.

³ C a r. G o e t l i n g — 'Αριστοτέλους Οἰκονομικός, Jenae, 1830.

⁴ «Aristotelis Oeconomica», rec. Fr. Susemihl, Lips, 1887.

⁵ Z e l l e r — Philosophie der Griechen, II, 32, 934 и сл. Следует отметить правильное суждение Целлера о второй книге «Экономики»: она не имеет никакого отношения к первой книге и превосходит ее как в отношении (более раннего) времени ее возникновения, так и более важного ее значения.

⁶ W i l c k e n — Zu der pseudoaristotelischen Oeconomica. Hermes, XXXVI, 187 и сл.

Отправляясь от точки зрения Вилькена, Ридлер¹ рассуждал так: первая глава II книги—отрывочна и неполна; она представляет собой извлечение из более обширного сочинения. Вторая глава II книги с самого начала была практическим сборником примеров, предназначенных для специалистов по финансовым вопросам; это смесь анекдотического с серьезным. Позднее из этого сборника кем-то было сделано резюме. Обе главы II книги с самого начала образовывали одно целое, и сокращенное изложение их принадлежит одному и тому же автору.

П. Шнейдер², придавая важное значение тому, что «Экономика» была приписана Аристотелю, относительно первой главы II книги примыкает к мнению Ридлера, что она—резюме обширного сочинения, в котором представлено было состояние экономической науки во времена Аристотеля и его ближайших учеников. Вторая глава II книги—собрание примеров—возникла сама по себе; если в ней всякого рода пикантные подробности занимают иногда слишком большое место, то это нужно объяснять стремлением приукрасить и оживить рассказ. Вторая глава возникла около 300 г. и представляла собой простое собрание заметок, предназначенное к тому, чтобы впоследствии быть расширенным. Это намерение не было осуществлено автором. Его незаконченная работа позднее была кем-то найдена; к ней прибавлена была глава первая, и все сочинение было приписано Аристотелю.

Шлегель³ также согласен с тем, что вторая глава II книги—извлечение из большого собрания примеров, что она с самого начала составляла одно целое с первой главой, которая не должна была возникнуть обязательно в конце IV в. Подобно тому, как Полиен, писатель последней четверти II в. н. э., не спускается в своих «Стратегемах», заимствованных им из бывших у него в распоряжении источников, ниже 44 г. до н. э., так и автор II книги «Экономики», писавший, согласно мнению Нибура, до 188 г., пользовался таким источником, который оставался на эпохе Александра Македонского.

В последние годы высказался по поводу II книги «Экономики» недавно скончавшийся автор «Истории эллинской политической экономики», греческий ученый Андреадис (его сочинение, в оригинале написанное по-гречески, имеется теперь в немецком переводе 1931 г.). По мнению Андреадиса, никакой связи между первой и второй главами II книги не имеется: первая глава—научного, теоретического значения, вторая—имеет своей задачей лишь дать увлекательное чтение. Первая глава дошла в неполном виде: написана она в конце IV в. Вторая глава—сокращенное изложение «финансовой стратегии»—прибавлена к первой в том виде, в каком она существовала

¹ K. Rietzler—Ueber Finanzen und Monopolen im alten Gricchenland, Berl. 1907.

² P. Schneider—Das zweite Buch der pseudoaristotelischen Oekonomica, Bamberg, 1907.

³ O. Schlegel—Beiträge zur Untersuchung über die Quellen und die Glaubwürdigkeit der Beispielsammlung in der pseudoaristotelischen Oekonomika, диссертация, Berl. 1909.

в конце III в., вероятно, с единственной целью заполнить утраченную часть первой главы. Гронинген, давший недавно прекрасное издание II книги трактата, в результате внимательного изучения литературы, посвященной II книге, и всестороннего исследования последней в реальном и формальном отношениях, приходит к таким общим выводам: II книга представляет собой скорее оригинальное произведение, нежели сокращенное изложение какого-то иного, более обширного труда: обе главы II книги, и теоретическая и историческая, возникли одновременно в последней четверти IV в. и принадлежат одному лицу. Это был последователь перипатетической школы, который, вдохновившись намерением ее основателя дать особый трактат об экономике, где теория сочеталась бы с практикой, обратился к исследованию науки о финансах. Начал он с квалификации существующих «экономий» и дал их краткую характеристику. Считаясь с духом этой эпохи, когда он жил, эпохи, открывавшей широкое поприще для лиц, обладавших инициативой, автор присоединил к теоретической части ряд практических правил для разумного упорядочения вопросов, касавшихся государственного бюджета. Составленный им трактат, остающийся анонимным, вскоре же после его появления включен был, подобно многим другим произведениям, в число произведений Аристотеля.

Приведенный обзор взглядов, высказанных относительно «аристотелевой» «Экономики», заставляет лишний раз вспомнить изречение: сколько голов, столько умов. И это неудивительно: имея дело с таким произведением, каким является «аристотелева» «Экономика», для суждения о которой мы не располагаем сколько-нибудь объективными конкретными данными в виде хотя бы свидетельских показаний о ней, приходится невольно опираться на всегда выбукую почву субъективного суждения. Даже такой, казалось бы, объективный признак, какой можно было бы извлечь из данных, доставляемых наблюдением над языком и стилем трактата, не помогает делу. В общем, словарь второй главы II книги—достаточно богатый и скорее индивидуальный, что зависит от разнообразия источников, бывших в распоряжении автора. Что касается стиля, то автор II книги не хотел привлечь внимание читателя стилем, выработанным с литературной точки зрения; единственно, о чем он заботился—это писать удобопонятно; его интересовала не форма, а содержание.

Мне процесс возникновения «аристотелевой» «Экономики» на отдельных этапах его развития представляется в следующем виде. Ядром, из которого она возникла, было то собрание примеров «финансовых стратегем», которое занимает теперь вторую главу II книги. Были ли эти примеры лишь эксцерптом из более обширного сочинения или же они были выбраны *ad hoc*, сказать с уверенностью трудно. На наш взгляд, последнее более вероятно, если присмотреться к содержанию самих примеров.

Но, вероятно, в том и в другом случае примеры были взяты из того богатого запаса фактического материала, который, в виде ли выписок из опубликованных уже сочинений, или заметок, составленных на основании устной традиции, или, наконец, специально сделанных

справок на местах, находился в библиотеке Ликия и был к услугам перипатетиков, желавших им воспользоваться для своих научных занятий. В качестве введения к сборнику примеров лицом, составившим его, могла быть написана и первая глава; ее квалификация, как теоретического рассуждения, может быть принята с значительной дозой ограничения. Время возникновения II книги в ее теперешнем виде — круглым счетом конец IV—III в. до н. э.; приурочивать обязательно II книгу к последней четверти IV в. — на мой взгляд — нет оснований: упадок научной деятельности перипатетической школы начался лишь в 20-х годах III в. до н. э. Что касается I книги «аристотелевой» «Экономики», то это — самостоятельное произведение, очень связанное со II книгой. Как указано выше, I книга была в ходу еще в I в. до н. э. Когда она возникла, сказать нельзя, может быть, одновременно или в близкое время ко II книге, но независимо от нее. Наконец, время возникновения III книги также не может быть определено. Она, как сказано, является дополнением к первой и не имеет никакой связи со второй. Из всех трех книг «аристотелевой» «Экономики» наиболее важное значение, по количеству и разнообразию собранного в ней фактического материала, имеет бесспорно II книга, особенно ее вторая глава, содержащая сборник примеров «финансовых стратегем».

Это, действительно, стратегемы, поскольку в них идет речь о «хитростях» экономического порядка. В этом отношении «финансовые стратегемы» в трактате, *mutatis mutandis*, очень напоминают «стратегемы» Полиена из области военного искусства, который составил свой сборник, посвященный им Марку Аврелию и Луцию Веру, как «подспорье» (ἐφόδια) для военачальников различных рангов, чтобы они учились «доблести и искусству», проявленным древними военачальниками в их удачных предприятиях. Многие черты, свойственные Полиену, роднят его с автором сборника примеров в «аристотелевой» «Экономике». Правда, четыре столетия их отделяют, и того риторического привкуса, который дает себя знать в «Стратегемах» Полиена, совершенно нет, да и не могло быть, у автора второй главы II книги. Но если Полиен не был ни историком-критиком, ни опытным военным человеком, то и наш автор не был ни историком, ни финансистом или экономистом. Первый сопоставил девять сотен «военных хитростей», второй ограничился всего 76 «финансовыми стратегемами». Полиен пишет, как и подобает ритору эпохи империи, вычурно; наш автор, прошедший как-никак чрез школу Ликия — свободен от этого недостатка. Но как Полиен, так и наш автор подают сообщаемые нам примеры, не руководствуясь какой-либо системой, но более или менее случайно. Полиен предпочтительно приводит примеры из греческой истории, наш автор сосредоточивает свое внимание почти исключительно на IV в. У Полиена при сопоставлении огромного собранного им материала нет никакого плана; правда, сначала он, по видимому, старался придерживаться хронологической последовательности, но затем совершенно оставил ее. К чести нашего автора нужно отнести то, что хронологическая канва им более или менее выдержана, хотя мы предпочли бы здесь хронологии

известную систематику в подборе материала. Но эта задача или была не по плечу автору, или не осознавалась им. Наряду с более или менее серьезными финансовыми предприятиями немалое место уделено, действительно, тем «мошенничествам», о которых говорил Нибур, а такие мероприятия, — их, впрочем, немного, — как те, что изложены в § 9, 14b, 14d, 33b, смахивают и на анекдоты¹. В общем же нужно сказать и об авторе второй главы II книги «аристотелевой» «Экономики» то же, что сказал Нибур (Kl. Schr. I, 454) о Полиене: собранные им стратегемы заключают в себе сокровищницу важных известий, но последние всегда требуют при пользовании ими строгого разбора и проверки.

Последняя была бы существенно облегчена, если бы можно было установить те источники, которыми пользовался автор II книги. Но вопрос об источниках здесь столь же безнадежен, как и вопрос об источниках Полиена, с которым у автора нашего трактата в некоторых случаях имеются точки соприкосновения в сообщении тех или иных фактических данных. Гронинген, уделивший в своем комментарии большое внимание вопросу об источниках автора II книги, перебравший всевозможные решения, должен был прийти в результате к неутешительному *ignotus*: «Мы не знаем источников автора, — говорит он, — мы утверждаем, что, в общем, он следует хронологическому порядку; мы не можем предполагать, что последовательность порядка исчерпанных им авторов оказала свое влияние на расположение отдельных параграфов, нарушающих этот порядок. Но все это не может быть уточнено; гипотезы продолжают оставаться недоказанными» (стр. 53). Гронинген справедливо указывает на большую продуктивность исторической литературы IV в., росшей из года в год. Мы знакомы лишь с очень незначительной ее частью, а в большинстве случаев знаем лишь имена писателей.

В IV в. Греция вступает в полосу экономического кризиса, что должно было вызвать интерес к вопросам, связанным с финансами, с государственным бюджетом. Ксенофонт, с его практическим складом ума, отозвался на волновавшие государственных деятелей вопросы и составил трактат «Πόλις ἢ περί προόδου» строго практического характера на тему, как можно было бы упорядочить афинские финансы. Следов знакомства автора «аристотелевой» «Экономики» с этим произведением Ксенофонта установить нельзя. В своем «Домострое» Ксенофонт набросал свой идеал благоустроенного домашнего хозяйства. Аристотель, как указано выше, изложил свои экономические идеи в первой книге «Политики». Но в ней нет речи о том, что можно было бы назвать политической экономией. Для Аристотеля политика и экономика стоят в таком же соотношении, в каком находятся πόλις и οἶκος. На той же точке зрения стоит автор I книги «аристотелевой» «Экономики», проводящий различие между οἰκονομική и πολιτική. Не то мы видим в первой главе II книги. При всей конспективности ее содержания различие с прежней установкой чувствуется осязательно. Автор стоит на

¹ Вторую книгу цитирую везде по изданию Гронингена.

той точке зрения, что политика и экономика не являются противоречивыми элементами. И монарх, будет ли это царь или сатрап, и полис, и частные лица—все должны уметь управлять тем, что им принадлежит, должны урегулировать статьи дохода и расхода, должны соблюдать равновесие бюджета. Роль денег в экономической жизни не отодвигается на второй план, как то было раньше. Андреадис¹ увлекается, усматривая во второй главе I книги «аристотелевой» «Экономики» первый трактат, посвященный науке о финансах, где дается подразделение экономики в соответствии с формами государственного строя, разграничение статей дохода и расхода, уточнение различных возможностей эксплуатировать страну и ее население. Изложение автора, к сожалению, слишком кратко, чтобы можно было по достоинству оценить все же любопытный опыт набросать как бы схему экономической науки, как она сложилась после Аристотеля в недрах основанной им школы.

Исследователи второй главы II книги² обратили уже внимание на характер примеров, приводимых в ней. Автор уделил очень мало внимания V в.; он не приводит ни одного примера из деятельности таких афинских финансистов IV в., какими были Навсиник, Евбул, Ликург. Место действия, к которому приурочиваются приводимые автором примеры, не собственно Греция, но по большей части Малая Азия и прилегающие к ней острова, Египет, Сицилия. На основании этого высказывают даже предположения о том месте, где трактат мог возникнуть. Но это неосновательно уже по одному тому соображению, что автор черпал приводимые им примеры из бывших в его распоряжении источников, а достаточный запас их он мог найти в то время, когда он работал над своим сочинением, только в Афинах, точнее в Ликсе. Затем нужно обратить внимание и на то, что приводимые автором примеры касаются тех мероприятий финансового характера, которые связаны с исключительными обстоятельствами, их вызывавшими. Автор говорит именно об отдельных фактах; он не касается больших исторических периодов, не говорит о полисах при нормальной их обстановке в ту пору, когда финансами их заведывали такие деятели-реформаторы, какими были, скажем, например, упомянутые Навсиник, Евбул, Ликург в Афинах. Сборник подобранных автором примеров, при кажущейся их разбросанности, однако, очень характерен именно для истории Греции в IV в. Автор сосредоточивает свое внимание на тех местностях и городах, которые в тот или иной момент играют важную роль в истории IV в. Не менее характерно и то, что в подобранных автором примерах в 14 случаях действующими лицами являются полисы, а в 22 случаях—те или иные лица, стоявшие во главе порученных их управлению областей-сатрапий. Из числа полисов 4 примера уделено Византию; вряд ли это случайность, если вспомнить, какую роль играл Византий, как город, связывавший

¹ «La première apparition de la science de finances», Падуа 1930, мне знакомо по изложению у Гронингена.

² Rietzler, o. c. 29; Stern—Zur Wertung der Ps. Arist. zweiten Oeconomica. Hermes (1916), 425 и сл.

Черное море с Эгейским, город, через который шла оживленная торговля Причерноморья с Эгеидой. Из числа отдельных лиц предпочтительное внимание уделено мероприятиям Дионисия Младшего (9 примеров) и Клеомена египетского (7 примеров). И это также вряд ли случайно, если принять в расчет то значение в общей ситуации IV в., какое имели и Сицилия, и Египет. Наконец, разве не знаменательно то, что автор отметил финансовые мероприятия таких афинских полководцев-кондотьеры, как Хабрий (3 примера) и Тимофей (4 примера), или родосских кондотьеры Ментора и Мемнона (4 примера) и т. д.

Какой исторический урок можно извлечь из примеров, сопоставленных во второй главе II книги? На этот счет высказаны были два противоположных мнения. Рицлер (ук. соч., стр. 39) утверждает, что факты, сообщаемые в сборнике, должны служить основой для нашего суждения об экономике греческого полиса, и приходит к тому выводу, что она представляет собой сочетание ошибок, произвола и насилия. Штерн (ук. ст., 424) протестует против такого заключения, указывая основательно на то, что наибольшая часть собранных примеров не относится к полисам, что в приведенных примерах идет речь не о нормальном положении вещей, а об исключительном; что приведенные примеры характерны для небольшой части эллинского мира и притом в сравнительно ограниченный период времени, охватывающий круглым счетом даже не вполне IV в. На мой взгляд, однако, мы не должны искать на фоне примеров, сопоставленных во второй главе II книги, каких-либо «исторических уроков». Да на это вряд ли и претендовал ее автор. Его заслуга заключается в том, что он, не будучи ни историком, ни экономистом, написал небольшую книгу, интересную по собранным в ней фактам, пусть случайным и несистематизированным, из такой области греческой истории, которая мало привлекала к себе внимание корифеев греческой историографии. Эти факты наш автор изложил без всяких мудрствований, такими, какими он нашел их в использованных им источниках, для нас утраченных. Последнее обстоятельство налагает на всякого исследователя, который этими фактами будет пользоваться для своих историко-экономических построений, сложную и ответственную задачу: проверять каждый раз достоверность сообщаемых фактов, сопоставлять их, где возможно это, с показаниями других источников, с трезвой критикой относиться к показаниям как тех, так и других, считаться, наконец, с общей экономической ситуацией эллинского мира в преддверии окончательного перехода его в мир эллинистический.

Рассматриваемая под таким углом зрения «аристотелева» «Экономика» представляет для исследователя еще невозделанное поле.

